

КРИЗИС ЧТЕНИЯ ИЛИ КРИЗИС КАЧЕСТВА ЧТЕНИЯ?

В статье предлагаются заметки об опыте работы со студентами первого курса филологического факультета в семинаре по медленному чтению (в рамках дисциплины по выбору по истории книги и чтения).

Студенты филологического факультета — не самая показательная аудитория для изучения проблемы чтения современной молодежи. Филолог — по определению человек, любящий книгу, читать — его профессиональная обязанность, и филфаковцы прочитывают в течение семестра в соответствии со списками обязательной литературы разных дисциплин большое количество художественных и научных текстов. Однако первокурсники, еще не прошедшие через горнило экзаменов второго и особенно третьего курса (где за короткое время они должны прочитать «всего» Тургенева, Дос-

тоевского, Толстого и Чехова, да еще зарубежных писателей-классиков), мало чем отличаются от других вчерашних школьников, поступивших в вузы. И потому разговор о том, как и что они читают сегодня, может в какой-то мере отразить общую ситуацию с чтением.

Мысль о том, что новое поколение — это поколение «нечитающее», давно уже стала общим местом, об этом говорят учителя, пишут журналисты, социологи проводят опросы и подсчитывают их результаты. Данные приводятся разные, например, такие: 42% школьников читают более 1,5 часов в день (в основном это школьники старших классов и абитуриенты, читающие произведения школьной программы), 30% — менее часа, 20% — менее 30 минут в день; после школы — 23% взрослых читают

постоянно (это люди от 30 до 49 лет, с высшим образованием, живущие в крупных городах), 37% не читают вообще (это в основном мужчины старше 50 лет, с образованием ниже среднего), 40% — читают время от времени (это люди со средним образованием, в возрасте до 29 лет). По данным отдела исследований Российской государственной библиотеки, 19% детей не любят читать и почти не читают, но 30% любят это занятие и еще 33% любят читать, но ссылаются на недостаток времени для чтения. Таким образом, положение с чтением, как будто не такое уж и критическое. Книжные магазины ломятся от книжных новинок, на книжных выставках и ярмарках нет отбоя от посетителей и покупателей, в метро по-прежнему много пассажиров с открытой книгой в руках. Тем не менее все мы чувствуем: что-то изменилось в характере чтения, в нашем общении с книгой.

Изменился темп жизни и характер восприятия информации — и у большинства уже нет времени (и потребности) читать большие романы, требующие неспешности, остановок, возвращений к прочитанному, обдумывания. На специальных курсах учат технике «быстрого чтения», в газетах появляются рекламы — вроде такой: «Школа Олега Андреева — “Война и мир” за два часа». Здесь объясняют, «почему мы медленно читаем и как с этим бороться»; врагами скорости чтения объявляют возвращение к прочитанному и желание «проговаривать» (дублировать) текст «про себя». Между тем хороший читатель (как стихов, так и прозы) чувствует ритм письменной речи, замедление и ускорение ее темпа, подчиняется этому ритму, задаваемому текстом, совпадает в чтении с повествовательной интонацией — и получает от этого настоящее удовольствие.

Сегодня серьезная литература (и серьезная музыка) «раздергиваются» на броские цитаты, которые бросаются в глаза на рекламных щитах, звучат в радиозаставках, тренькают в мобильных телефонах. Литература потеряла прежнюю «святость» — эпоха постмодернизма все подвергла иронии, превратила культуру в гигантских конгломерат цитат, которые «потеряли» автора и стали доступными для игры. Классика XIX века, которая питала поколение 1960–1970-х, искавшего в ней свободу и

открытые горизонты мысли, воспринимается современным поколением как архаика. Нынешние молодые родились и живут в иной языковой среде и объясняются на русско-английском сленге. Поэзия эпохи декабристов, героев 1812 года, культ Пушкина и лицейской дружбы, которые в сознании читателей советской эпохи противостояли окружающей их безвариантности и казенщине, для молодых поколения 2000-х не имеют цены. Им, живущим в обществе, где внушается: «выбери лучшее!», «будь успешным!», «ты этого достоин!», философия страдания и сострадания к бедным, культивировавшаяся в русской классической литературе, чаще всего чужда. Клиповое сознание, восприятие, сформированное легко прерывающимися на любом месте сюжетами телесериалов, плохо соответствует прозе Тургенева или Толстого. Это реальность — но это не значит, что положение с классикой катастрофическое. Она вечная — и может открыться читателям как-то по-другому, может быть, в отражениях близких им современных писателей, впитавших в себя предшествующую литературу. Наши студенты порой в спешке проглатывают Стендаля и Толстого, Диккенса и Достоевского только перед экзаменом, так было и с нами, когда мы были студентами. Но спустя годы, становясь старше и перечитывая то, что когда-то не оценили, научились получать удовольствие от языка старых мастеров, от погружения в размеренное повествование, описания и подробности, медленное разворачивание сюжета, вживание в чужие чувства.

Проблема не в том, что мало читают — читают много (неслучаен книжный бум — книги находят спрос!). Проблема, как представляется, в **качестве** чтения — в том, **ЧТО читают и КАК читают**. Книга стала частью «потребления», человек, купивший книгу, считает, что за потраченные деньги она должна его развлечь, ему понравиться. Он не думает о том, что не только у него есть «горизонт ожидания» по отношению к книге, но и у книги (текста) есть «горизонт ожидания» по отношению к нему, читателю. В тексте заложен свой, специфический для каждого из них, «образцовый читатель», тот, которого требует данный текст, чтобы быть понятным. Этот читатель формируется в диалоге, в контакте с текстом. Реальному читателю — человеку, от-

крывшему книгу и быстро отбросившему ее («скучно!»), часто не приходит в голову, что он, с его уровнем образованности, культуры, способностью чувствовать — не подходит книге, которая требует от него более высокого уровня развития.

Кроме того, исследователи уже давно показали, что классический, сложно построенный текст и текст беллетристический, принадлежащий массовой литературе, читаются по-разному. Восприятие так называемой «формульной» (массовой) литературы строится на принципе прозрачности текста, ясности повествовательной перспективы, автоматизации в оценке воспринимаемого, чтение совершается как скольжение по «поверхности» текста, и именно в этом качестве оно доставляет удовольствие. Классический текст обладает «глубиной», смыслы рождаются в переплетении текстовых «слоев», порождаемых ими ассоциаций, как правило, не осознаваемых в момент чтения. Парадокс чтения в этом случае состоит в том, что движение по тексту не дает возможности понимать его во всей глубине, актуализировать все коннотации, связанные с каждой точкой линейного текста. Для этой работы нужна остановка, уход в глубину, внутрь структуры. Нужно перечитывание, обращение к комментариям, нужен труд... Однако и первое чтение — важнейший момент в общении с книгой: это акт первичного восприятия поэтического Мира, и он требует «чувств», чтобы его «пережить». Текст требует не только понимания, но и чувственного контакта, порядок чтения определяется и заложенной в тексте «определенной стратегией чувственности»¹. Поэтому и «наивная» реакция молодого читателя на прочитанное совсем бесполезное явление, и она драгоценна.

Главное, чтобы читатель понимал: чтение — совсем не простое дело, оно не только дает, но и требует от него многого. Ж.-П. Сартр, во многом заложивший основы «феноменологии чтения» XX века, в книге 1948 г. «Что такое литература?» назвал чтение актом свободы и «упражнением в благородстве». Никто не может силой заставить нас поверить в вымысел — мы делаем это добровольно и свободно. Читатель не

«потребляет» книгу, он дарует себя автору. Проявив благородство, он свободно отдает себя воображаемому, чужому для него миру, он выходит за границы своей личности, «приносит себя в дар». «Литература учит нас свободе», — пишет Сартр, чтение — это благородное соглашение о доверии между автором и читателем.

Таким образом, акт чтения в его подлинности — это жизненный акт, а вовсе не дополнение к жизни, не область украшения или развлечения². Большинство настоящих читателей интуитивно ощущает это. Об этом говорят и студенты-первокурсники, заполняя читательскую анкету в начале учебного курса, посвященного проблемам чтения и читателя. «Почему мы читаем? Чего мы ищем и что находим в чтении?» — варианты ответов на эти вопросы таковы:

1) В чтении мы получаем возможность быть «другими», жить другой жизнью, в другом пространстве и времени;

2) чтение — «диалог душ», общение с автором;

3) чтение — возможность соперничества другим людям, пусть и «книжным»;

4) чтение — отрыв от повседневности;

5) чтение позволяет через героя, отождествление с ним, узнать себя;

6) чтение успокаивает, дает возможность подуматься;

7) чтение дает возможность узнавать новое;

8) чтение — это построение в сознании воображаемого мира («мне не нравится, когда книгу или литературного героя обсуждают, потому что рухнет этот мой мир»).

Однако рядом с этими определениями есть и такое: «чтение — элитный отдых». Вероятно, имеется в виду именно потребление, развлечение, но при этом такое, которое представляется «не пошлым», «не банальным», а наоборот — выделяющим человека на фоне других. То, что мы называем «читательская мода» предполагает не столько набор предпочитаемых текстов, сколько поведение читателей по отношению к ним: стандартизованные запросы на одни и те же книги и общепринятые их оценки.

На вопрос, читают ли анкетированные «модную литературу», большинство ответило отрицательно, однако ответы на косвен-

¹ См. об этом: Подорога В. Литература не требует для себя филологии // НЛЮ. 1996. № 17. С. 60.

² См. об этом: Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 156.

ные вопросы показали, что очень многие читали хотя бы по одному произведению Х. Мураками, М. Кундеры, П. Коэльо (чаще всего называют «Алхимика»), П. Павича, М. Фрая. Называют и таких авторов, как С. Кинг, Поппи Брайт, Энн Райс, М. Леви, Э. Миллер. На первое место среди любимых книг нынешние студенты (впрочем, как и прошлые) ставят «Мастера и Маргариту» Булгакова: это предпочтение выражено и прямо, и косвенно (в наибольшем количестве упоминаний в разных контекстах). На втором месте по количеству упоминаний среди любимых авторов — В. Пелевин, на третьем — «Доктор Живаго», А. Грин и Э. По; на четвертом — П. Коэльо, В. Набоков, М. Кундера и Дж. Толкиен. Многие называют и произведения русской классической литературы — и здесь первое место принадлежит «Преступлению и наказанию» (называют и другие романы Достоевского). Отвечая на вопрос «Какие книги произвели на вас памятное сильное впечатление, в какой-то мере изменили ваше восприятие мира и понимание жизни?», первокурсники

вспоминают и произведения западноевропейских писателей XX в.: Г. Гессе, Дж. Сэлинджера, Г. Маркеса.

Почти ни один из опрашиваемых студентов не признался, что читает книги (художественную литературу) в Интернете, с экрана монитора; этот способ чтения определили необходимым только для поиска информации и чтения научной литературы, зато каждый второй упомянул о том, что ему доставляет особое удовольствие держать в руках книгу, перелистывать страницы, чувствовать особый контакт с ней. Все без исключения первокурсники утверждали, что любят читать.

Трудно сказать, насколько студенты были искренни в своих ответах, однако живое общение с ними, совместная работа на занятиях по освоению методики «медленного чтения» с остановками и комментариями прочитанного, наблюдениями над тем, как разворачивается текст и как он «управляет» читателем, позволяют верить в то, что нынешнее студенчество — «не потерянное» для чтения поколение.